

Д.П. Голицин

От смутных дней: роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д.П. Голицин**
От смутных дней: роман / Д.П. Голицин – М.: Книга по Требованию, 2021. –
356 с.

ISBN 978-5-517-97000-8

ISBN 978-5-517-97000-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

— Да вѣдь это Иванъ Сергѣевичъ! вскрикнула Соня и быстро повернула нѣсколько разъ подъ рядъ кнопку каретнаго звонка.—Сеня, посмотри, вотъ тамъ, около подъѣзда Бергамаско.

— Какой Иванъ Сергѣевичъ? спросила Ксенія.

— Да Хрустовъ же! Мнѣ надо сказать ему два слова.

Соня опустила раму, высунулась изъ окна и крикнула кучеру: — Петръ, остановите налѣво, тамъ гдѣ фотографъ.

Ея красивое лицо со строгимъ профилемъ и матово-нѣжною кожей сразу зарумянилось отъ мороза. Зеленые глаза сверкали оживленно, а золотисто-рыжій цвѣтъ волосъ придавалъ особую энергичность ея облику.

Когда карета остановилась, Соня позвала:

— Иванъ Сергѣевичъ!

Нѣсколько прохожихъ оглянулись, но не тотъ, который былъ ей нуженъ.

отъ смутныхъ дней.

— Иванъ Сергѣевичъ! повторила она такъ громко, что Ксеніи стало неловко.

— Перестань, на насъ всѣ смотреть. На что онъ тебѣ?.. Онъ навѣрно сегодня придетъ.

Хорошенькая блондинка съ голубыми глазами, Ксенія совсѣмъ не походила на свою двоюродную сестру. Въ ней было много спокойствія, мягкости. Ея обычнымъ настроеніемъ была тихая радость, потому что ей жилось хорошо.

Сонѣ тоже было неприятно, что на нее всѣ оглядываются, но она настояла на своемъ и крикнула въ третій разъ: — Иванъ Сергѣевичъ!.. А! услышалъ. *Se n'est pas malheureux...*

Ксенія сказала:

— Какъ онъ похожъ на медвѣдя!

Эти слова видимо не понравились Сонѣ. Она ничего не отвѣтила, но на мигъ сдвинула брови.

Между тѣмъ Иванъ Сергѣевичъ приближался къ экипажу. Широкоплечій, толстый, съ громадными руками, онъ дѣйствительно походилъ на медвѣдя. Ему минуло не болѣе двадцати восьми лѣтъ, но онъ казался старше. У него было довольно красивое, но грубое лицо съ чрезмѣрно крупными чертами. Глаза смотрѣли рѣзко, нагло.

— Двѣ княжны, и безъ охраны! усмѣхнулся онъ.—Здравствуйте, Софья Васильевна... Ксенія Владиміровна, мое почтеніе... Откуда и куда?

Въ его тонѣ было много дѣланнаго ухарства, словно пріятно было ему хвастнуть неблаговоспитанностью.

— Сеня взяла меня съ собой... Мы ѣдемъ смотрѣть казенную квартиру дяди Володи, объяснила Соня.

— Ахъ, да, казенную квартиру... И вамъ *лестно увидѣть ореолъ его новой власти?* Какъ же,

теперь держись! Захочетъ прихлопнуть и прихлопнетъ. Ему даже городовые отдають честь... а? По нынѣшнимъ временамъ даже князю Могилову-Стольному впору этимъ дорожить.

— А вамъ городовые не кланяются и даже на васъ косятся! съ внезапнымъ задоромъ разсмѣялась Ксенія,—и васъ непременно арестуютъ. Я увѣрена, что васъ слѣдуетъ арестовать.

На лицѣ Сони мелькнуло злое выраженіе. Хрустовъ не моргнулъ.

— Арестуютъ? Нѣтъ. Я вчера крестилъ у старшаго дворника. Кто это сдѣлалъ, тому нечего бояться. Теперь не столоначальникъ управляетъ судьбами, а старшій дворникъ.

Онъ захохоталъ гораздо громче, нежели произнесъ эти слова.

— *Soyez prudent*, шепнула Соня.—Мы остановились для того, чтобы спросить васъ, будете ли вы у дяди... сегодня воскресенье.

— На казенной квартирѣ? криво усмѣхнулся Иванъ Сергѣевичъ,—успѣю... всѣ тамъ будемъ.

— Не на казенной... дядя переѣзжаетъ только завтра... Приходите обѣдать на Милліонную... Мнѣ хочется васъ разспросить кое о чемъ. Вѣдь вы были вчера на выносѣ тѣла Достоевскаго? Насъ не пустили.

— Ну, еще бы васъ пустили! Выдумали тоже. Конечно, я былъ. Расскажу. Но вотъ вы меня приглашаете на Милліонную, а мнѣ кажется, что должна была бы это сдѣлать и княжна Ксенія Владиміровна. Она также дочь хозяевъ.

— *Il faut vous inviter maintenant!*.. Вы и такъ приходите каждое воскресенье, сказала Ксенія.—Соня, поѣдемъ, я замерзла.

Хрустовъ поклонился.

— До свиданія. Приду къ обѣду. Люблю обѣдать у генераловъ.

Пока кучеръ сворачивалъ на Малую Морскую, Соня успѣла раза два дружественно кивнуть Ивану Сергѣевичу.

— Мнѣ онъ не нравится, сказала Ксенія.

Ея двоюродная сестра промолчала.

— И не нравится мнѣ, что у него одинаковое имя и отчество съ Тургеневымъ... обидно какъ-то...

Соня встрепенулась.

— Что же, по твоему онъ такая ничтожная личность, что оскверняетъ даже свое имя и отчество?...

— Не сердись, съ искреннею улыбкой проговорила Ксенія, — я не виновата, что онъ мнѣ не по душѣ... У него такая непріятная манера, когда онъ упоминаетъ о папѣ... Папа князь, папа получилъ такую должность... И то и другое оскорбляетъ господина Хрустова. Мнѣ кажется, что это глупо.

— Это его убѣжденіе. Убѣжденія свободны.

— Да вѣдь его убѣжденія не помѣшали ему крестить у старшаго дворника... Почему же они ему мѣшаютъ быть вѣжливымъ и не... не препятствуютъ бывать у насъ?

— Ну, есть вещи, о которыхъ тебѣ рано говорить. Ты слишкомъ молода.

— Черезъ два года, когда мнѣ будетъ девятнадцать лѣтъ, какъ тебѣ, я тоже буду находить Хрустова симпатичнымъ? со смѣхомъ спросила Ксенія. — Ну, ну, не сердись... Вотъ мы и пріѣхали. Посмотримъ ту казенную квартиру, которая приводитъ Ивана Сергѣевича въ такое *безпокойство*.

II.

Оставшись одинъ, Хрустовъ самодовольно улыбнулся и продолжалъ путь. «Въ сущности, мнѣ больше нравится Ксенія», подумалъ онъ. «Собственно какъ женщина. Но изъ Сони выйдетъ прокъ. Ишь, какъ ноздри раздуваются. Окликнула, чтобы узнать, былъ ли я на выносъ тѣла Достоевскаго... И хотѣла убѣдиться въ томъ, что мы съ ней сегодня увидимся... Слѣдовательно, ей по душѣ все то, что я говорю... А, Могиловы-Стольные, аристократы проклятые, наплачетесь съ нею! Соня клиномъ вобьетъ въ вашу среду столько невзгодъ, что и вы ослабнете. Не чувствуете сами, что пришла пора сдаваться, такъ вамъ покажутъ... И Соня прехорошенькая. Я люблю рыжихъ. Въ рыжихъ есть что-то революціонное... А въ Сонѣ еще говоритъ кровь акушерки Нефедовой».

На Полицейскомъ мосту, обогнавъ худощаваго брюнета, небольшого роста, Иванъ Сергѣевичъ оглянулся и сказалъ:

— Здравствуйте, Иллѣодоръ Ѳедоровичъ... Прогуливаетесь?

Брюнетъ вздрогнулъ, оторванный отъ задумчивости. На его нервномъ молодомъ лицѣ, некрасивомъ, съ беспорядочно торчащими усами, ясно обрисовалось неудовольствіе. Держа подъ правую руку портфель, онъ небрежно протянулъ Хрустову лѣвую.

— Здравствуйте... Вовсе не прогуливаюсь. Иду къ Мерлону.

— Вотъ кстати! Я тоже. Мы съ нимъ приятели.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю. А я называю его негодяемъ. Иду къ нему, потому что вчера мы съ нимъ одновременно были у моего двоюроднаго брата, и Мерлонъ укралъ у меня портфель съ нужными бумагами.

Иванъ Сергѣевичъ даже обрадовался:—Укралъ?

Злая усмѣшка перекосила лицо его собесѣдника.

— Можетъ быть и не укралъ, а только нечаянно унесъ мой портфель вмѣсто своего, но тѣмъ Мерлонъ и удобенъ, что про него всегда можно подумать: «укралъ», «обманулъ», «сдѣлалъ подлость».

Они пошли рядомъ. Хрустовъ старался подладиться подъ быстрые короткіе шаги Иллѣодора Ѳедоровича. Ему это было очень трудно. Выраженіе лица сдѣлалось у него почти не наглое. Видно было, что Иллѣодора Ѳедоровича онъ побаивается.

— Послушайте, Рыбовскій,—сказалъ онъ,—я радъ, что встрѣтился съ вами... Давно мы не видѣлись... Помните, мы когда-то говорили другъ другу «ты», въ технологическомъ...

Иллѣодоръ Ѳедоровичъ оборвалъ:—Говорили. Теперь не говоримъ. Излишне.

Съ дѣланымъ смѣхомъ Иванъ Сергѣевичъ повторилъ:

— Излишне. Оно, конечно, что и толковать, совершенно излишне, потому что мы рѣдко видимся. Я даже удивляюсь тому, что васъ такъ рѣдко встрѣчаешь у Могиловыхъ-Стольныхъ... Вѣдь вашъ двоюродный братъ ведетъ дѣла князя...

— А я тому удивляюсь, что вы такъ часто тамъ бываете.

Хрустовъ пожалъ плечами.

— Что же дѣлать! Съ дѣтства бываю въ домѣ, потому что князь Владиміръ Андреевичъ въ былое время поставилъ на ноги моего отца. Я, конечно, наслѣдственной благодарности не признаю и даже не особенно люблю старика-князя, который весь завернутъ въ традиціи, какъ мумія въ пелену. И жена его мнѣ противна, и братецъ, жирный дуракъ Василій Андреевичъ, но очень мнѣ нравится Софья Васильевна. Не въ пошломъ смыслѣ, конечно, а какъ типъ. Она человѣкъ новый. Это новое вино, которое разорветъ старые мѣхи.

— Нѣтъ, я не про то, сказалъ Иллѣодоръ Ѳеодоровичъ. — Я удивляюсь тому, что васъ тамъ принимаютъ.

Съ высоты своего огромнаго роста Иванъ Сергѣевичъ гнѣвно посмотрѣлъ на Рыбовскаго.

— Послушайте, это слишкомъ...

Тотъ презрительно разсмѣялся.

— Такъ и отмѣчу, что сегодня, перваго февраля 1881 года, Иванъ Хрустовъ на меня обидѣлся. Это вовсе не слишкомъ, не слишкомъ много и не слишкомъ мало: а въ самый разъ. Я удивляюсь тому, что васъ принимаютъ Могилы-Стольные, потому что князь Владиміръ Андреевичъ человѣкъ очень стойкихъ и опредѣленныхъ взглядовъ, и ему не можетъ не быть извѣстно, что вы придерживаетесь, такъ сказать, разрушительныхъ убѣжденій.

— Тише! взмолился Хрустовъ и посмотрѣлъ по сторонамъ. Въ сущности ему было пріятно, что разговоръ касается его убѣжденій.—Тише. Сами знаете, какія теперь времена.

— Преподлая времена! согласился Рыбовскій, — когда всякая дрянь забираетъ смѣхъ...

— Вотъ, вотъ, засуетился Иванъ Сергѣевичъ. Иллѣодоръ Ѳедоровичъ его перебилъ:

— Погодите радоваться. Мы, будьте увѣрены, подъ словомъ «дрянь» разумѣемъ разное. Я говорю о той самой сволочи, которая съѣтъ страхъ и преступленіе, о тѣхъ карьеристахъ невзгоды, которые добиваются власти для того, чтобы ее расшатать, о людяхъ, которымъ желательно разодрать Россію на части, чтобы выкроить себѣ изъ кусковъ выгоду. Они иногда произносятъ благородныя слова, но только для того, чтобы затемнить смыслъ своихъ дѣйствій. Они сбиваютъ съ толка молодежь и, не видя лѣса изъ-за деревьевъ, топчутъ всѣхъ въ болото. И Россія знать ихъ не хочетъ. Вся ваша краснота—сыпь здорового тѣлѣ, сыпь, которая пройдетъ, когда тѣло будетъ вымыто.

— Точно искреннихъ людей не бываетъ!

— Бываетъ. Какъ же. Но это какіе-то искренніе иностранцы. Чужаки. Простота, которая хуже воровства. Да, чортъ знаетъ, что у насъ дѣлается. Изолгались всѣ. Перепутались. Безъ прошлаго всѣ стали. Какіе-то подкидыши, либо шарлатаны и фальсификаторы настроеній какъ... какъ вы, напримѣръ.

Хрустовъ махнулъ рукой.

— Знаете, Рыбовскій, на васъ и обижаться нельзя.

— Еще бы. Ни мнѣ на васъ, ни вамъ на меня обижаться невозможно. Во мнѣ каждый атомъ долженъ быть для васъ оскорбителенъ. Я для того и существую, чтобы давать пощечины душамъ такихъ личностей, какъ вы. А одно ваше пребываніе на свѣтѣ есть уже для меня оскорбленіе. Вся Россія теперь состоитъ

изъ людей, другъ друга оскорбляющихъ. Всѣ опалѣли въ какомъ-то чаду. Одинъ кричитъ «шпіонъ», другой кричитъ «убійца».

— Старыя формы гибнутъ, заявилъ Иванъ Сергѣевичъ,—молодое желаетъ пробить себѣ дорогу.

— И все вы врете. Не молодое и не новое, а просто напросто чужое. Никто никому кланяться не хочетъ, а желаетъ, чтобы всѣ передъ нимъ преклонялись. Это называется торжествомъ личности. Какъ же! Иванушка дурачекъ стремится быть Иваномъ, не помнящимъ родства съ прошлымъ. А вы всѣ кругомъ занимаетесь свистопляской и называете это настроеніемъ.

— А вотъ я вамъ объясню, что я называю настроеніемъ, съ усмѣшкой сказалъ Хрустовъ.

— Слушайте. Иду я вчера утромъ по Литейной, направляясь въ Кузнечный переулокъ, чтобы попасть на выносъ тѣла Достоевскаго. Останавливаюсь я какъ-то у магазина «Забава и Дѣло»... Знаете, такой магазинъ, гдѣ всякой чепухой торгуютъ. Рядомъ со мной стоитъ и смотритъ генераль какой-то. Глаза у него маленькіе, слезливые, а сѣдые усы торчкомъ. Смотритъ глубокомысленно и съ полною очевидностью маловажные предметы въ умѣ перебираетъ. Вдругъ подходитъ къ нему молодой человекъ въ пледѣ и съ большимъ чувствомъ ударяетъ его пальчикомъ по носу, сперва снизу вверхъ, а потомъ сверху внизъ, и говоритъ, «вотъ тебѣ забава, вотъ тебѣ дѣло»... Генераль сконфузился и убѣжалъ, а какая была тутъ публика, та была очень довольна!

Блѣдный, съ рѣзкимъ взглядомъ, Рыбовскій схватилъ лѣвою рукой собесѣдника за локоть.

— Хрустовъ, проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ,—вы знаете, что я хотя и маленькаго роста, однако свертываю мѣдный пятакъ въ трубку... Знаете? Помните? Если вы еще разъ осмѣлитесь при мнѣ рассказать подобную пошлость, я вамъ кости переломаяю...

— Отпустите локоть, съ притворнымъ равнодушіемъ произнесъ Иванъ Сергѣевичъ,—знаю я вашу *ultima ratio*! Городовой и кулакъ. Одно меня утѣшаетъ: что вашъ бѣшеный характеръ когда-нибудь доведетъ васъ до висѣлицы.

Молча дошли они до Большой Садовой, свернули направо.

— Вотъ мы и пришли, сказалъ Хрустовъ.

Онъ первый вошелъ въ подъѣздъ, Рыбовскій за нимъ. Во второмъ этажѣ Иванъ Сергѣевичъ позвонилъ у двери, гдѣ была надпись: «Меблированные комнаты».

— Сейчасъ приведемъ старшаго дворника въ безпокойство! съ хихиканьемъ проговорилъ онъ.— Помилуйте, двое пришли въ гости къ третьему... очевидный заговоръ!..

Иллѣодоръ Ѳедоровичъ пожалъ плечами.

— И большой у васъ запасъ такихъ словъ? Горничная отперла дверь.

— Дома Степанъ Николаевичъ?

— Дома... вотъ тутъ направо.

— Степанъ великолѣпный, прими благосклонно двухъ одиночекъ, парочки ни мало не составляющихъ! шутовски задекламирровалъ Хрустовъ, входя въ комнату Мерлона.— Се азъ и спутникъ мой случайный, хранилище рукописей тебѣ возвращающій.

Степанъ Николаевичъ Мерлонъ отвѣтилъ дряблымъ теноромъ:— Милости просимъ. Очень пріятно.